

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЖАНРА НАРОДНЫХ СБОРНИКОВ В.И. ДАЛЯ «СОЛДАТСКИЕ ДОСУГИ», «МАТРОССКИЕ ДОСУГИ», «ДВА СОРОКА БЫВАЛЬЩИНОК»

В статье выделен ряд ключевых лексем, сыгравших важную роль в формировании замысла народных сборников В.И. Даля, обусловивших их жанр, структуру и аксиологию. В этой связи указано на тесную (не только формальную, но и смысловую) связь книг для народного чтения с устной народной словесностью: с такими ее жанрами, как разговор и беседа.

Ключевые слова: книги для народа, складчина, разговор, беседа, толковать.

Литературная деятельность Даля-беллетриста началась с повести «Цыганка» («Моск. телеграф», 1830). Однако широкой читающей публике его имя стало известно два года спустя, когда Даль под псевдонимом Казак Луганский опубликовал отдельным изданием «Русские сказки... Пяток первый» (1832). Предназначался он главным образом для образованных слоев русского общества и, по мысли автора, должен был познакомить их с богатством национального языка. Десятилетие спустя Даль так писал об этом в статье «Полтора слова о нынешнем русском языке» («Москвитянин», 1842): «Не сказки по себе были ему важны, а русское слово <...>. Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» [12] (Цитаты даны в современной орфографии и пунктуации. – О.Р.).

Первым Далевым сборником для простого народа стали «Солдатские досуги» (1843). Этот опыт, как и «Пяток первый», оказался для него в литературном плане удачным. Вскоре к Далю через А.В. Головнина обратился Великий князь Константин Николаевич, занимавшийся делами российского флота, с просьбой составить аналогичный сборник для матросов. «Матросские досуги» увидели свет в 1853 г., в 1861 г. вторым изданием вышли «Солдатские досуги», а еще год спустя Даль издал сборник «Два сорока бывальщинок для крестьян» (1862). Сборники составили своеобразную трилогию, рассказывающую широкой читающей публике о жизни простого русского народа и его представителях – солдатах, матросах и крестьянах. Предназначенные для народа [13, с. 16], они учитывали специфику своей целевой аудитории: отражали народное мировидение и мировосприятие, в том числе – и посредством использования в них того «живого великорусского языка», который «живет поныне в народе». В последние годы эти сборники все чаще привлекают внимание далеведов, особенно – первые два. Так, применительно к «Досугам» проделана большая исследовательская работа с привлечением ранее не известных широкому кругу литературоведов и лингвистов материа-

лов. Она позволила осветить историю их замысла и создания, источники материала, особенности структуры, тематики, идеологии, стиля и т.п. [3; 8; 14–16 и др.]. Однако в контексте изучения проблемы народознания в творчестве Даля задача выявления особенностей и признаков, позволяющих рассматривать данные сборники именно как народные книги, остается достаточно актуальной. Даль уже в 1840-е – 1850-е годы – одним из первых – предлагает новый тип книги для народного чтения, во многом отличный от привычных для того времени изданий. Как представляется, глубже прочувствовать эту новизну позволяет не только их содержательный анализ, но и выявление ключевых для этих сборников лексем. Ведь путь от отдельного слова к литературному произведению, а затем и к их собраниям был для Даля естественным и легким. Семантика отдельных слов – *складчина*, *разговор*, *беседа* и *толковать* – многое, если не все, объясняет и в его народных книжках: начиная от их замысла, жанра, структуры и заканчивая аксиологией и стилем.

Одной из черт, присущих народному взгляду на мир, можно считать синкретизм [7]. Своего рода синкретизм отличает и народные сборники Даля. Каждая из частей этого трехкнижья представляет собой, по выражению автора, «складчину всякого добра». А следовательно, слово *складчина* – ключевое в понимании содержательно-жанрового многообразия произведений, вошедших в каждую из книг. И действительно, это так, ведь в них собраны притчи и бывальщины, легенды и предания, загадки и пословицы, анекдоты и очерки и др. «Нынешнее и бывшее», «смех и горе», «время и безвременье», «дело и безделье» – все это тесно переплетающееся многообразие народной жизни требует от писателя соответствующих жанровых средств своего выражения и отражения. Словом *складчина* подчеркивается и то, что данные сборники Даля – плод совместного труда многих людей, внесших в него свою немалую лепту, свой пай. Среди них – отставной уральский казак Потап Дервянов («Дервянов», «На санях в море», «Казак Дервянов»), матрос Ситников («Ретвизан». Рассказ матроса Ситникова), неназванный матрос, вчерашний кре-

стьянин Курской губернии («Быль про себя»), Федор Грушин («Рассказ пленника Федора Грушина»), приказчик Тараканов («Тараканова быль») и др. Притчи народных сказителей-бывальцев, которые были как среди солдат и матросов, так и среди крестьян, зачастую включаются и в повествование основного рассказчика. Так, в «Солдатских досугах» рассказчик с нескрываемой теплотой вспоминает о своем однополчанине Власе Карпове, который был «и шутник, и весельчак, а уж первый в полку солдат, и научал, и наставлял товарищей притчами, поговорками да прибаутками лучше всякого», и пересказывает притчу Власа о мельнице («Повиновение начальству»), давая практические советы молодым солдатам, он ссылается на авторитет знакомого ему ветерана славных суворовских походов («Как солдату, конному и пешему, управляться с неприятелем»), а свои размышления о правде и лжи начинает с притчи старика, который «жил-был» «в некотором царстве, в далеком государстве» («Ложь и правда»). Поэтому *складчиной* можно считать не только сборники в целом, но и ряд вошедших в них произведений, поскольку в них, кроме голоса основного рассказчика, явственно слышны голоса и других мастеров «сказывать сказки и бывальщинки». Народное многоголосие сборников слышится и в том, что рассказчик, повествуя о событии, часто ссылается на свидетельства очевидцев и к случаю вспоминает то, что он когда-то слышал от других: «Притомный свидетель сказывал нам, что слышал сам...» («Где горе, там и смех»); «При этом были свидетелями другие пленники наши...» («На своих не пойду») и др. В работе над книгами для солдат и матросов Даль опирался и на письма очевидцев тех или иных событий, которые получал со всех концов России, газетно-журнальную периодику и книги [16, с. 113]. Так что словом *складчина* отмечается и разнообразие источников: устных, рукописных, книжных, газетных. А 30 лет спустя после первого издания «Солдатских досугов» (1874) виднейшие писатели, среди которых будут Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин и др., назовут «Складчиной» подобный же сборник своих произведений. Он станет их совместным, соборным, материальным и духовным вкладом в помощь людям, голодавшим в то время в поволжских губерниях.

«Русское ухо и русское чувство», которые Даль-писатель вслед за А.С. Пушкиным вырабатывал в себе в 1830-е – 1850-е годы [10], подсказывали ему, что книга-складчина для народа должна быть народной и по форме, и по стилю, и по восприимчивости. Стремясь к этой гармонии, Даль максимально использует прежде всего возможности живой разговорной народной речи в каждом из произведений, которые он пишет преимущественно в жанрах устного народного творчества. Притчи и бы-

вальщины, легенды и предания, будучи родственными сказке, как правило, *рассказываются вслух*, и человек рассказывает их *не себе* самому, а *кому-то* (ср. [6, с. 251]). В ответ он может сам услышать историю и т.д.: «Где только человек с человеком столкнется, там и толки, и разговор, там один другому, поздоровавшись, сказывает, что видел, слышал, думал и делал...» («Вступление к изданию»). Так возникает общение между людьми, начинается и продолжается их свободный и непринужденный разговор. Недаром он, по Далю, – органическая часть народной жизни и культуры: «Бог дал человеку глаза да уши, ум, разум и словесную речь; дал на то, чтобы видеть или слышать, думать, размышлять и говорить» («Вступление к изданию»). Так что лексема *разговор*, наряду со *складчиной*, становится еще одним ключом к пониманию своеобразия народных сборников Даля.

В разговоре Далю важны поучительность и польза: «Пустопорожний разговор доброму ничему не научит, ума-разума не даст» («Солдатские досуги»: «Вступление к изданию»). Он понимает, что для этого нужно, чтобы разговаривающие люди были откровенны, доверяли и признавали друг в друге *своего*. Слова автора-рассказчика, что он тот, кто «сам сживал с вами (с солдатами. – *О.Р.*) за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, а видел его и в чистом поле» («Солдатские досуги»: «Вступление к изданию»), – это и его просьба к своим читателям-слушателям доверять ему, и его надежда, что это общение будет взаимным, сделает его и их собеседниками. Даль, не принадлежавший к флотской и армейской элите мичман и военный лекарь, участник походов русской армии, деливший с матросами и солдатами все тяготы службы, затем гражданский чиновник среднего ранга, много общавшийся с крестьянами и знавший их быт не понаслышке, был вправе рассчитывать на доверие к себе со стороны и одних, и других, и третьих. Там, где есть собеседники, где слышен голос каждого из них, где они доверяют друг другу, признавая каждого своим и равным себе, там разговор достигает уровня беседы. В.В. Колесов пишет: «Старинный образ слова *беседа* <...> – это разговор <...> “наедине со всеми”, так и хочется сказать: тихим вечером на завалинке, в кругу друзей и соседей. Круг широкий, да *все свои*» (курсив мой. – *О.Р.*) [5, с. 71]. Характерный для беседы «размен чувств и мыслей на словах» [4, т. I, с. 85] между ее участниками поддерживается их душевной приязнью и сердечной открытостью. В представлениях простого народа эти две составляющие выражали суть человеческих отношений [11, с. 141].

Человек, даже немного знакомый с народным бытом и культурой, читая книги Даля для воинских служителей и крестьян, вряд ли уйдет от ассо-

циаций, связанных и с другой стороной семантики лексемы *беседа* – деревенскими беседами-посиделками. Не чем иным, как их аналогом, были разговоры свободных от вахты матросов, собиравшихся в часы досуга в кубрике или на палубе, «за трубкой ли вокруг кадки, за чаркой ли на берегу» («Ретвизан». Рассказ матроса Ситникова»), и солдат, отдохнувших после боя или трудного похода. Вот одна из таких ситуаций: «Смеркалось уже, когда бой затих; весело солдатушки в кружки за огни садились победные; котелки кипели с кашницей; ребята лежа грелись, *отдыхали да рассказывали* (курсив мой. – О.Р.) один другому, как кого Господь сохранил от беды неминуемой да помиловал, кого задела пуля неприятельская, кого на месте уложила; командиры ходили тут же да спасибо говорили своим солдатушкам...» («Сражение»). Военный антураж здесь отходит на задний план, а в центре – обычные человеческие отношения, почти семейная обстановка и атмосфера. Крестьяне и мастеровые-артельщики, собираясь вместе за нехитрой трапезой в тесном семейном или дружеском кругу, тоже сочетали отдых с разговорами. Вот типичная картина крестьянской беседы-трапезы: «Сошлись они, ели-пили чинно, потом развеселились за пирогами да за брагой, и беседа пошла поразвязнее, а старики, глядя на них, любовались. Ели они и пили – да не в браге сила, а в беседе. Без соли, без хлеба худая беседа, а без беседы и хлеб-соль в глотку не пойдет». И далее: «Хозяинский сын, который угощал товарищей, не перебивал беседы их своими рассказами, а чинно слушал да разве только поддакивал» («Беседа за хлебом-солью»). Возникает вопрос: а не чувство ли присутствия на таких беседах формировал Даль у своих читателей-слушателей? Думается, ответ на него может быть положительным.

С лексемой *беседа* связаны и заглавия сборников. Ведь, например, *досуги* (*досу?*) – это не только «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, просторъ отъ дела», то есть безделье, но и «занятия для отдыха» [4, т. I, с. 481], наиболее естественным из которых и является разговор, то есть беседа. Связь беседы (разговора) и свободного от работы или другой деятельности времени (*досуга*) близка народному сознанию. Так, в Ярославской губернии при входе в избу, если хозяева ничем не заняты, приветствуют, говоря: «Беседуйте!» [4, т. I, с. 85] (СРНГ данное приветствие фиксирует также и в Костромской области [9, с. 266]). Подобные приветствия в той же ситуации («Беседа вам!», «Беседа ваша!») характерны для новгородских и олонечских говоров; ср. в новгородских говорах: *беседовать* – проводить время без работы [9, с. 261–262, 265].

А потому и заглавия сборников «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» можно интерпретировать как *Солдатские* (*Матросские*) *беседы*,

актуализируя уже не их целевое назначение, а жанровое своеобразие. Разговорный (беседный) характер сборников манифестируется контекстами (курсив мой. – О.Р.): «*Спросите*: почему люди дознались, что земля наша шар, что она круглая? А вот по каким приметам, *слушайте...*» («Земля»); «*Слушайте*, что *расскажу* я вам для примера» («Ложь и правда»); «А нам, *скажите*, за что же отвечать за них? *Ась?*» («Супостаты наши»). Глаголы *спросите*, *скажите*, *слушайте*, *расскажу* и междометие *ась* предполагают слушателя, собеседника и указывают на устное общение людей. И иногда рассказчик словно бы ждет реплик слушателей. Так, вспоминая об удачном сражении, в котором русские солдаты захватили так много пленных, что не знали, «как с ними быть и куда их девать», он спрашивает: «Скажите же, хорошо это аль худо?» – и, словно бы получив ответ на свой вопрос, продолжает диалог: «Худо тому, кого побили; стало быть, а нам хорошо; не так ли? А коли хорошо, от чего же не всякий из нас обгоняет товарища, как пойдут в штыки да в рубку <...>? От того, товарищи, что где есть передние, там бывают и задние, где бегут, там и отстают. А кому охота быть задним, кому отставать? И ведомо, что ни тебе, ни мне, ни третьему...» («Кто смерти боится»). С учетом их подразумеваемой реакции он и строит рассуждения.

Если жизнь военных строго регламентирована и собраться на *беседу*, чтобы послушать правдивые и поучительные истории из уст уважаемых ветеранов-«дядей», а может статься, вставить и свое лыко в строку, солдаты и матросы могут лишь *на досуге*, то у крестьян и мастеровых время труда и отдыха чередуется гораздо свободнее. Да и работа работе рознь («дело делу розь» [4, т. IV, с. 102]), и перекинуться словечком-советом с соседом-артельщиком, а то и рассказать ему бывальщину или притчу можно и между делом, особо от него не отрываясь (см.: [2, с. 49]). Главное, чтобы это не мешало, а помогало работе: «Дело знай, а попусту не бай» [4, т. I, с. 510]. Может быть, поэтому нет слова *досуги* в заглавии Далева сборника крестьянских бывальщинок?

При выделении лексических маркеров стоит обращать внимание не только на семантику и этимологию, но и на фонетику слов. С точки зрения выявления значимых созвучий заслуживает внимания слово *сорок* в заглавии сборника для крестьян. Семантически оно указывает на количество произведений: «Два сорока бывальщинок» – это восемьдесят народных историй, ибо «встарь считали сороками...» [4, т. IV, с. 275]. Но так ли уж важно знать точное количество входящих в книгу произведений? Зато чуткое «русское ухо» Даля не могло не уловить примечательного созвучия слова *сорок* с известным в народе словом *сороковать*. В Словаре Даль дает ему следующее толкование: «*нвг.* (*сорока? сорок?*) мужевать, мозговать, стариковать,

толковать, рассуждать сообща» [4, т. IV, с. 275]. В семантике слова *сороковать* четко выражены целевые характеристики разговора-беседы: *толковать* и *рассуждать* вместе, неторопливо обмениваясь мыслями по самым разным проблемам, волнуящим простолюдина. Колесов, характеризуя крестьянскую беседу, пишет: «Слово, воплощая какую-то мысль, неспешно ходило по кругу. Оно было общим, и мысль рождалась как мысль коллективная...» [5, с. 71]. Как рождается такая мысль в крестьянской беседе, иллюстрирует бывальщинка «Веревки, лапти, тяжи, пестеры». В Словаре Даль, определяя лексему *толковать*, сопрягает ее с лексемой *беседовать* [4, т. IV, с. 411], а слово *толки* показательно соседствует с лексемой *разговор* в формуле: «Где только человек с человеком столкнется, там и толки, и разговор...».

Народные сборники отражают широкий спектр семантики слова *толковать*. Так, автор-рассказчик, *беседуя* и *советуясь* со слушателями, *рассуждает* вместе с ними о разнообразных проблемах. Он доходчиво, с использованием примеров, образов и ситуаций из повседневной, бытовой жизни простого народа *объясняет* им понятия и явления действительности, народной этики и морали. Слово бы в соответствии с народной поговоркой: «Дело толковано, что сивая подкована: надобно толковать, как бы каурую подковать» – автор-рассказчик неоднократно возвращается к одной и той же проблеме или теме, рассматривая ее под разными углами зрения. Такими сквозными, круговыми темами являются темы греха, совести и ответственности человека перед Богом, правды и лжи, солдатской доблести и чести и др. Сквозной темой становятся и размышления о России: о ее прошлом и настоящем, о разумности ее государственного устройства, о ее многонациональном, но едином народе, о месте России в мире, среди других государств, и т.п. Постоянно размышляет рассказчик и о русском народе. А говорит он не только о его достоинствах, но также и о недостатках и пороках, оценки последних жестки и нелицеприятны. Своего рода *толкованиями*, живо напоминающими статьи словаря, можно назвать многие произведения сборников: «Ложь и правда», «Жизнь и здоровье», «Что такое Отчизна», «Отчизна», «Вселенная», «Кит», «Акула», «Земля», «Матка», «Кривотолк» и др. Ср.: «Знал я, знаете и вы не хуже меня, что ложь никуда не годится, а правда дороже и чище золота; однако *потолковать* об этом все-таки можно» («Ложь и правда»); «От чего бывают на Земле четыре времени года – это *растолковать* на словах не совсем легко» («Вселенная») и др. (курсив мой. – О.Р.). Таким образом, лексема *толковать* также ключевая для сборников Даля.

Складчина – разговор – беседа – толковать – своеобразные ключевые вехи на пути к достижению гармонии и лада в жизни русского человека и русского общества в целом, на пути к решению насущных проблем русского мира и его преобразованию.

Библиографический список

1. *Базанов В.Г.* От фольклора к народной книге. – Л., 1973. – 360 с.
2. *Белов В.И.* Раздумья на Родине: очерки и ст. – М., 1986. – 271 с.
3. *Голубенко А.Л., Евдокимов Н.А.* Владимир Даль как публицист: особенности и мотивы творчества. – Луганск, 2007. – 416 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.
5. *Колесов В.В.* Культура речи – культура поведения. – Л., 1988. – 272 с.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1971. – 415 с.
7. *Михайлова Н.Г.* Общее представление о народной культуре и проблемах ее исследования // Народная культура в современных условиях: учеб. пособие. – М., 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riku.ru/lib/narcult/nar-cult-gaw.htm> (дата обращения: 13.03.13)
8. *Путилина С.В.* В.И. Даль как литератор: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.
9. Словарь русских народных говоров. – Вып. 2. – М.; Л., 1966. – 316 с.
10. *Тамаев П.М.* Статьи В.И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 53–61.
11. *Тамаев П.М.* Русская беседа как феномен национальной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – Спец. вып. – С. 141–145.
12. Тексты произведений В.И. Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.karelia.ru/dahl/html/texts.htm> (дата обращения: 13.03.13).
13. *Шановалова Г.Г.* Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В.И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. II. – М., 1963. – С. 58–70.
14. *Фесенко Ю.П.* Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. – 262 с.
15. *Царева В.П.* Образ Петра I в «Матросских досугах» В.И. Даля // Пятые Далевские чтения: тез., ст., материалы. – Луганск, 1996. – С. 140–146.
16. *Юган Н.Л.* Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В.И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. – 2009. – № 2. – С. 106–116.